

Петраченко Екатерина Е.

Рассказы.

Москва

ОНТО
 ПРИНТ
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

2019

УДК 821.161.1-31/-32
ББК 84(2=411.2)6-44
ПЗ0

Петраченко Е. Е.

ПЗ0 Рассказы / Е.Е. Петраченко. – М. : Издательство «ОнтоПринт»,
2019. – 36 с.

ISBN 978-5-00121-123-5

УДК 821.161.1-31/-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00121-123-5

© Петраченко Е.Е., 2019

Времени вагон

Мы все бежим куда-то и стоим одновременно на месте, не замечая, что жизнь проходит...

Наполняя ее собственным смыслом, заставляя звучать другими мелодиями и добавляя в нее цвет, мы играем с Богом на одном поле как соратники, как сотворцы, как дети, ответственные за принятые нами решения. Да, собственно говоря, что еще ему от нас может быть нужно?

Эта история об обычном человеке, который уехал из родного города в поисках себя самого. Эта история его Пути. Эта история о семье и родителях, о друзьях и родине. О трудных временах - взлетах и падениях, больших деньгах и Настоящей Любви. Эта история о поиске Бога внутри себя, а каждый понимает его по-своему.

Эта история о том, что никогда не надо сдаваться, ведь даже окольными путями человек может прийти к себе самому в гости. В ней каждый увидит что-то свое, близкое и родное, потому что маленьких судеб не бывает.

В ней есть музыка, а что как ни музыка, понятна на любых языках этого Мира.

WW.

Рассказы:

1. Отец.
 2. Дорога.
 3. О первой любви.
 4. Тоска.
 5. Ностальгия.
 6. Темная ночь.
 7. Бог.
 8. Никогда.
 9. Колыбельная.
 10. Небеса.
 11. Распятие.
 12. Неспетая песня.
 13. Театр.
 14. Времени вагон.
- P.S.

ОТЕЦ

«Жизнь прожить – как воду ладонью зачерпнуть», - говорил отец, потягивая крепкий чай, сидя за круглым столом. Давно это было, почти полвека, а помнится, как сейчас... Он еще шурился от дымка, вьющегося над чашкой, и любил долго крутить кусочек сахара между пальцами, отвечая на мои детские вопросы. А вопросов было немало... Зачем я здесь, куда идти и главное - с кем. Люди – они такие люди...

- Ты, главное, Человеком будь, сын, когда не знаешь как поступить, поступай от сердца. А где твой путь – одному Господу ведомо.. Попусту себя не трать, на Главное себя не жалея, отвечай только когда спросят, помогай, если по силам. С Женщинами будь строг, но нежен, ибо все они девочки, даже когда сами матери. Выбери одну и стань для нее Небом, а она тебе пусть Землю даст, уют, очаг.

А я засматривался иногда на его крупные ладони, в которых он как будто держал свою жизнь. Потому и забавно было смотреть, как он иногда пробовал нитку в иголку вдеть, чтобы пришить пуговицу, и приговаривал: « Мужик все должен уметь». Будто заранее знал и собирал меня в дорогу.

Работал на славу. Дерево любил. В руках его оно было податливым как сливочное масло на куске ароматного черного хлеба. Бывало пройдетя рубанком, а я потом в руки наберу золотистых стружек и нюхаю... домом пахнет..., чихну от удовольствия, а он смеется раскатисто . Не было в нем возраста , мудрость житейская - да, потому и отвечал на вопросы мои неохотно. Говорил : « ...сам ответы ищи – жизнь твоя.»

Про деньги говорил – каждому свое. Кто кем рожден. Рожден Парусом – будешь среди морских ветров, и место там твое. Рожден музыкантом – значит, в любом новом городе будешь приходить в нотный магазин или находить сцену.

Завидовать – никому не завидовал - дело глупое. Зависть что... Это когда ты думаешь, что у тебя такого не будет, а тебе нужно не твое? Дорог много – путь один.

Другом был настоящим, себя держал в строгости, да и другим баловать не давал.

Книг у нас дома было немного. Но я читал взахлеб: болел пиратами Сабатини и мушкетерами Дюма, верил, что все самое лучшее впереди, а по ночам с фонариком под одеялом пробовал складывать слова в четверостишия.

Маму отец любил. Однажды она его спросила:

- Ты меня любишь?

А, он ей:

- Да.

- А, как?

- Нормально.

И в этом «нормально», было все то, чего не передать одним словом, но никто не смел усомниться в том, что это настоящее. Помню, придет с работы уставший, вида не подаст, приляжет минут на десять, а она пледом накроет, нас всех за дверь и чтобы тихо - отдыхает отец. **Так Земля держит Небо.**

Лошадей любил и ветер - хотя своих у нас не было, в городе жили. Пил только по праздникам и только по три, а

потом тихо так под нос напевал «про коней привередливых».
Выйдет на улицу, сядет на крыльцо, закурит и скажет:

**- Бог большой, ты маленький, если трудно будет,
проси, там всегда слышат.**

**И не хмурься, молод еще! Вся Жизнь впереди -
времени то вагон.**

ДОРОГА

На перроне было людно. Я был молод и упрям. Наш маленький город стал тесен, я вырос из него, как вырастают за одно лето мальчишки из школьных пиджаков. Друзей раскидало по стране. Время было непростое – ловить было нечего. Положив школьный аттестат на стол перед отцом, я решил, что пора что-то менять. Отец понял меня и сказал только одно: « Бог в помощь». Перед поездом мы первый раз с ним закурили вместе, он обнял меня и ушел.

Я помню эту щенячью радость, запах свободы и перемен, предчувствие чего-то большого и важного, когда, лежа на верхней полке, я смотрел в окно и слушал стук колес... И до сих пор я больше люблю поезда, чем самолеты, может быть в память о том первом важном поезде. А может быть потому, что сразу понял - как часто мы недооцениваем дорогу. Ритм колес помогает думать. Он снимает круговерть обычных мыслей и вдруг всплывает ответ на какой-то важный вопрос... Случайный попутчик может передать в одной фразе, точнее сформулировать то, что хотелось сказать самому себе, но никак не складывалось в слова. Так бывает с книгами.

В поезде ты всегда будто один в целом мире и мир смотрит на тебя через зрачки мигающих фонарей в окне. Чай в подстаканнике напоминает о доме. **Звенящая ложка – о том, что ты кому не позвонил вовремя.** А времени в дороге нет, потому что именно в дороге мы остаемся настоящими без шелухи. Чего только стоят утренние очереди умываться: « Мне подождать – я подожду».

Чего я ожидал, уезжая из родного дома... Наверное найти в себе что-то новое, чего о себе не знаю. Но я же чув-

ствовал, что бываю разным. **Не хороший, не плохой, а разный.** В конечном счете, **чем больше граней у камня, тем ярче он светит.** А значит и все то, из чего состою Я - важно. Как гнев бывает ценнее молчания.

Вот люди все, похоже, как деревья в лесу. Один гибкий как осина - но попробуй прогни, под грозой в полпоклона - от трудностей не сломается. Другой - сухая труха, с виду сила и мощь, а тронь - рассыплется. Орешники вместе держатся, как растут из одного корня, сосны кроной ветер ловят и отгораживаются от лиственных. А березы..., а березы – они о доме.

Вещей с собой было мало, **на память мама положила старый фотоальбом в кожаном переплете, чтобы смотрел, если неоткуда сил будет взять.**

Мама, мама, ты даже не знаешь как тогда ты была права с этой книжицей.. Не все гладко будет... Хотя про зебру наврали, что жизнь полосатая. Она скорее как рельсы, либо едешь, либо перескакиваешь со шпалы на шпалу. А, кто знает, шпалы лежат так, что ходить по ним неудобно.

Не спалось той ночью: кем стану, что найду.

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Ты занималась музыкой, летом открывая окно. А квартира была на первом этаже, и я часто проходил мимо твоих окон, иногда стоял подслушивая. Занавески почему-то были длинными, они вырывались из комнаты с ветром наружу и щекотали мой нос.

Я помню, как увидел тебя первый раз, спускающейся по ступенькам, смешная моя. Нежная моя. И мне захотелось просто взять тебя за руку и увести за собой. Ты любила есть мороженое в вафельном стаканчике, оставляя донышко на потом. Ты молча поднимала левую бровь, если была сердита или чем-то расстроена. Ты хохотала, когда я целовал тебя в шею, и печально вздыхала, когда мы расставались.

Я опоздал на свидание к тебе всего лишь один раз, ты посмотрела на меня и спокойно произнесла:

- Со мной так нельзя.

Первая любовь она всегда такая. Звен-я-я-я-щая... проезжает по нам безжалостно, оставляя следы и необратимость нас новых. В ней всегда есть божественный замысел и человеческая глупость, потому, что тогда в юности, мы еще не в состоянии оценить вес потери. А теряем мы ее почти все, за исключением тех счастливиц, которым удастся пронести ее через всю жизнь. Мои отец и мать были из их числа.

Мы любили кататься на трамвае по городу вечерами и ты накидывала мамину кофту на плечи, когда на город опускались сумерки и сырость. Мы говорили ни о чем и обо всем сразу, мы строили планы на будущее, мы женились, рожали детей, я был самым сильным, ты самой красивой. Мы спорили о пустяках, я целовал тебя в висок и внутри меня ры-

чал дикий лев из школьного атласа по географии, и я был счастлив.

Ты любила идти по поребрику, хотя это слово я узнал гораздо позже, и я придерживал тебя за талию, не касаясь. Чтобы ты не заметила. Иногда, глядя на тебя как бы со стороны, я не переставал удивлять как в такой девочке, может быть столько силы. Женской силы - той, перед которой родеет даже самый мужчина из мужчин.

Я никогда не усомнился в твоей верности, потому, что ты жила как дышала.

Однажды я спросил тебя:

- Если бы можно было сделать только 3 кадра, чтобы ты сфотографировала?

А, Ты ответила:

- Ноты, лес и небо.

Все свои будущие и незапланированные подвиги я посвящал тебе и верил, что так и будет.

В городе шел дождь, мы прощались, стоя под козырьком подъезда. Назавтра я уезжал. Ты плакала, тихо. Я целовал твое соленое от слез лицо и говорил, что люблю, что заберу тебя с собой и мы всегда будем вместе. Ты положила мне в карман на память маленького плюшевого медведя, потому, что утверждала, будто я похож на большого.

ТОСКА

Годы, годы шли... Как у щенков волчат во взгляде моем появилась матерость, движения резче, взгляд острее, мужская хватка, азарт... С тех пор шли год, ... **а звенящая ложка в стакане из того первого поезда – о том, что ты кому не позвонил вовремя...**

Я был постоянно занят - дела, новые друзья, деньги! Грани добавлялись, я светил новым светом, резким и прямым как вспышка фотокамер. Глупая отговорка - я был занят. Да неужели? Это же так просто - две секунды, набрать и сказать привет. Я тебя помню. Сколько их вовремя не сделанных звонков, не успевших попрощаться с важными людьми, с единственными людьми. Скольких можно было спасти этим простым «привет»!

Все закрытые двери начинаются с этого «я занят». И не то, чтобы любовь проходит внезапно. Она просто ежится от холода и пятится в дверном проеме. Она не любит, когда ее не ждут. И в этом нет гордыни, и это не каприз.

Я стал звонить реже, я забыл, что с тобой так нельзя. В водовороте дел, в ярких витринах большого города, где соседи по площадке не знают как кого зовут, где много лиц и мало взглядов, где либо ты, либо тебя, где многие женщины одеты как танцовщицы кабаре, где в церковь ходят два раза в год на Пасху и в Рождество, а семьях нет Нежности.. зарастаешь чем-то...

Твердокожесть свойственна этому городу. Я забыл, что с тобой так нельзя.

Мир менялся, мир не стоял на месте, он задавал прямые вопросы и требовал жестких ответов, он строил свои сны, изобретал новые частоты передачи данных, дедлайны,

брифинги, он сочинял новые слова и он был НЕ про любовь...

С начала ты отвечала на первый сигнал, потом на второй, потом на третий, а в один день ты просто не подошла к телефону... И за руку не возьмешь, и не обнимешь, Нежная моя... Женщина... Земля моя... Ты где-то там идешь по поребрику, а я первый раз не придерживаю тебя за талию..

...и холодно и нечего сказать, когда побеждает эта твердокожесть.

Когда нечего сказать, мы начинаем говорить пословицами... вот и я...

В закрытые двери – не стучат...

НОСТАЛЬГИЯ

Эх, лихие 90-е. Кем мы только не были, что мы только не делали - фартовые, упрямые, дерзкие 90-е. И внешний мир ворвался в страну как безжалостный подросток, и завертелось, закрутилось всё: цветная пресса, одежда немислимых цветов и серый, тот постоянно серый цвет, начал таять, а вместе с ним, как сметая прошлый строй, и всё из магазинов. На мороженом исчез шоколад, карточки с фото на еду будто напомнили послевоенное время. Тот, кто был быстрый, завоевывал мир своими методами, трещала по швам экономика, а мы были молоды и каждый кто на что учился. Стреляли – да. Словно бы герои из фильмов американских боевиков, затертые до дыр в видеопрокате, сошли на наши улицы. Немислимо и страшно. Но, жизнь гудела как кровь по венам, закрывали одни конторы, открывали другие, политический строй держался как мог.

Музыка – одна только музыка – впитывала, как губка воду, все свежее. Вдруг у нас появился рок, панки с ирокезами зашагали по улицам, металлисты в кожанке, блюз и джаз вздохнул полной грудью.

Театр на время забыл про Чехова, Островского и на афишах запестрели имена Тенниси Уильямса, Булгакова...

Мы пили водку с шипучкой, на утро не помня, чей день рождения, дарили виски в красных коробках. И вот уже самые продвинутые сменили пейджеры на мобильные телефоны с аккумулятором, который рядом с шефом нес плечистый парень из бывших спортсменов.

Мы дарили своим женщинам охапки роз, потому что цветочные магазины распустились как подснежники на каждой улице. Город повально надел вареные джинсы, женщи-

ны изменили «Красной Москве» морям ароматов, дети сняли школьную форму, и - собачки..., в каждом дворе появились собачки.

Из домов стали исчезать ковры со стен и начали появляться тостеры, блендеры и прочая ерунда.

Я стал подниматься вверх, и вот уже Золотой Телец прямо смотрел мне в глаза, обещая несметные богатства, удачу и любовь самых красивых женщин. Мои друзья были со мной, пачка сигарет в кармане и, вписываясь резко на повороте, я махал рукой гаишнику, как будто мы знакомы с ним с детства, даже пересекая двойную в неположенном месте.

Каждый крутился и вертелся, как мог, чтобы выжить!

ТЕМНАЯ НОЧЬ

И вот ты - Победитель. И все сошлось в нужной точке в нужное время и в нужном месте. И все эти годы один за одним как росчерки пера в тетради. Только никто не проверит, оценку не поставит. Сочинение на тему «Как я прошел половину пути» не задаст никто, сам себе обвинитель и адвокат.

Ты себя сделал, создал, ты победил страх. И все тебе по плечу. И Ветер свободы теребит волосы, и хочешь - лети по ночной трассе с открытым окном, и чтобы музыка громко, только хорошая, и чтобы небо ясное и звезды. Лето. Лес по краям, шуршит дорога, ночные запахи пряных трав, и сна как не бывало. У реки вышел, захотелось искупаться, сбросил одежду и вошел воду. Из нее мы и выходим.. Лунная дорожка, и ты по ней плывешь, впитывая прохладу ночи, вышел на берег, лег в траву - счастье. Все такое русское: и характер этот шальной, и горячень.

Яблочка бы сейчас спелого надкусить свежего, сочного. Да, махнув плащом, пройтись по старой улице детства, гордо подняв голову. Я смог, я сделал. Потому, что некому упрекнуть, что струсил, предал или слукавил. Виски чуть седыми стали, да пара морщин у глаз, но не барышня же, чтобы внимание на такие мелочи обращать. «Седина бобра не портит».

Гордость отца, опора матери.

Встань на обочине, покури молча, посмотри на это небо, чтобы ковш Большой Медведицы на месте с Полярной звездой, как удача твоя. И сил много, и мысли ясные. Вдох выдох, руки раскинул и вдаль крикнул ХЭЙ! Я живой!

Что хотел, к чему стремился - почти все есть. И друзья, если что рядом встанут плечом к плечу.

Луна на небе желтая, круглая, холодная, как золотая монета. И ты с деньгами, и они у тебя есть.

Да, в общем, не к ним стремился, хотел Дело делать, чтобы радовало, чтобы людям рядом с тобой хорошо было, тепло.

Куда дальше - пока не спрашивал себя, на паузу поставил, ведь **времени вагон**. О любви только запретил себе думать: другую не встретил, ту не забыл.

БОГ

«- Заря - заряница,
вас две сестрицы,
утренняя, да вечерняя.
С ними с Малого лихорадку злую,
пошлите ему сон со всех сторон.
Вы, роженицы, радуницы, прабабки наши,
внучки Сварожьи,
проследите так, чтоб всё исполнилось!
Знаю, ведаю, слово моё крепко, крепко, крепко..»

Защемило что-то слева в груди, здесь...ноет, особенно по ночам.. Просыпаюсь , холодно, как стучит кто-то внутри, наружу просится, вроде и не болел никогда, а тут места себе не нахожу.

На днях отец приснился: молчит и смотрит как в детстве. Как вопрошает о чем, я молчу, глаза полные слез, сказать то и нечего - мужчины не плачут?

Встал, закурил одну. Вторую... не проходит. Вдруг страшно стало. Водички холодной выпил. Впервые в жизни - никогда ничего не боялся - а тут будто рвется что наружу, часы идут в доме и сердце в груди... Как осенило...

- Бог большой, ты маленький, если трудно будет, проси, там всегда слышат.

Встал на колени, как душа позвала, так и сделал... а голос ломается, не слушается...впервые.

- Господи, услышь меня...Господи... кто Я...сколько времени шел не туда, думал паруса попутные, а корабль на рифы несло.

Сердце свое закрыл, хотел защитить, да забыл, что чувствуем мы все им одним. И если перестаешь испытывать

боль, престанешь чувствовать любовь... печаль и радость, гнев и спокойствие как братья с сестрами рука об руку ходят...

- Господи, услышь меня... Господи... кто Я.. зачем жил, теми дорогами ли шел, чем отражал тебя в мире... **Если крылья даешь** ты каждому, не запятнал ли я свои делами вольно или не вольно, или опечалил я тебя словом резким, мыслью ли, действием, Отче, или забыл слова истинные, ценности настоящие...

Господи, прости!

НИКОГДА

О любви трудно говорить - столько заезженных слов. А она приходит ниоткуда..

Я никогда не усомнился в твоей верности, потому, что ты жила как дышала.

Я мотался между городами, менял адреса, терял и строил заново, а ты где-то там хранила очаг.

И за эти долгие годы я не раз возвращался в наш город. И каждый раз с замиранием сердца, я знал, что увижу тебя на перроне и сердце мое будет биться от радости как у того мальчишки, который подслушивал тебя под окнами. Нам всегда было о чем поговорить и даже в молчании мы продолжали диалог, **словно два артиста за кулисами, ожидающих своего выхода на сцену.**

Мы ценили те нечастые встречи, как ценят солнечные дни в непогожую зимнюю хмарь, пытаюсь успеть в эти короткие часы сделать что-то, что летом дается легко и просто.

Наверно Бог сводит двух людей для того, чтобы они что-то поняли про самих себя, ведь разве другой человек, может ответить за то, что чувствуешь именно ты?

Никогда... Я не люблю это слово. Мне всегда кажется, что можно исправить, что есть второй шанс, другой план действий, но влюбленные, продолжают не дозваниваться друг другу по телефонам, опаздывать на уходящие поезда, не слышать друг друга. Они пытаются сохранить любовь, совершая одни и те же ошибки из века в век. Иногда им не хватает терпения, иногда мудрости. Их не в чем упрекнуть, они живут первый раз. Когда они идут по улице их сразу видно в толпе – они светятся.

А Бог учит нас отпускать именно тех, кто нам дорог больше всего, и не понять нам, не осилить этот замысел...никогда...может для того, чтобы ценили, как ценит воду усталый путник.

И пусть ты не поехала со мной и на то были причины. Но я всегда знал, что ты меня ждешь и любишь. Ты моя радость, ты моя самая большая победа и гордость.

Ты моя Земля. И пусть все сложилось так, как сложилось, я благодарен тебе за эти годы.

Когда мне бывает грустно, я говорю с тобой вслух: этой ночью, приснись мне, пожалуйста.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Помолчим. Ни города, ни безудержного веселья не хочу сегодня. Одному невмоготу дома сидеть, а друзьям в дом печаль нести не по-братски.

Цыган бы да в табор, чтобы у костра при свете и вина хорошего. Чтобы не спрашивали, откуда путь держу, чьего рода племени. Эх, Ромалы! Душа русская веками грустить училась, песни раздольные, поля широкие, в кабаках да на дому свадьбу играем - поем, близких хороним – поем. Просто светло и радостно – поем. Просит душа песен, говорит на их языке. А слова все круглые О да А, Е с раскатом так, что гром теряется на горизонте. И-И-их! - звонкое коней в таборе собирать, птиц в небе разгонять..

Помолчим. В народе говорят «Молчание – золото», о главном всегда молчат. О планах всегда молчат, о боли всегда молчат. Тот, кто весел – не всегда счастлив, только взгляд выдает да походка с чуть припущенными плечами.

Да не то, чтобы приуныл я, дочь вспомнил - скучаю. Не был рядом, пока росла, ходить училась. Не был рядом, когда слово первое произнесла. А что люблю - знает, такая же, как ты звонкая.

Ты помнишь того плюшевого мишку, которого ты подарила мне в детстве? Я отдал его нашей дочке, когда видел вас в последний раз, пусть она подарит его тому, кто будет для нее важен и пусть у них все сложится лучше, чем у нас.

НЕБЕСА.

И вот солнечный свет пролился из окон, наполняя комнату.

Я научился отпускать то, чему пора уйти! Я перестал уговаривать людей оставаться со мной, если я им НЕ важен, я перестал отвечать на вопросы, которые еще даже НЕ прозвучали и предлагать помощь тем, кто в ней НЕ нуждается. Я стал смотреть на людей, видя в них заложенную искру и разговаривать с ней из своей души. И тогда даже самые гневные взгляды теплели, плечи расправлялись и становилось солнечно. Я стал радоваться тем, кто помнил обо мне, когда счастлив, а не когда от меня что-то нужно. Количество приятелей, конечно, уменьшилось. Но остались только те, самые родные, с кем можно и «в разведку».

Я понял, что могу быть разным. И это не определяет меня как плохого и хорошего человека, я просто стал жить с богом в сердце и принял себя таким, какой я есть, со всем этим «компотом противоречий». В этом не было тщеславия или гордыни, потому как требовательность моя к себе самому никуда не делась. А самые важные вопросы человек задает наедине с самим собой и отвечает на них сам.

Как говорил Маэстро в старом фильме «...в жизни человека бывают моменты, когда ему никто – никто не может помочь, рождается сам и умирает сам!»

Иногда мне кажется, что за одну жизнь мы проживаем несколько разных. И все эти разные мы реально существовали. Эти «Мы разные» перенимали друг у друга опыт, накапливая по крупницам мудрость и принятие.

У меня есть хорошая привычка. Когда я не могу найти ответ на вопрос, я ложусь спать. Утро вечера мудренее... Сегодня я засыпаю и вспоминаю тебя. **Лети.**

Ле - ти.

РАСПЯТИЕ

У каждого человека **два крыла** – темное и светлое. И каждый раз, взлетая, мы выбираем на какое из них опереться. Ведь если во мне столько света – значит столько же и тьмы. Борьба за равновесие... нет, ибо Тьма всегда ждет, она всегда на месте, пока проявится Свет. Как чиркать спичкой в пустой кухне ночью...

В каждом маленьком человеке заключено Величие замысла и тайна. Иначе, чем объяснить смертельные болезни маленьких детей или когда киты выбрасываются на берег?

Нет ни инструкции, ни карт, ни планов... все по наитию и по вере нашей нам и воздастся.

На протяжении жизни этого Мира идет сражение, в котором участвует каждый из нас, зажигая свечу в храме и ругая кого-то даже про себя. На протяжении жизни этого мира каждому дается шанс что-то создать или разрушит. И второе всегда легче, а первое, как правило, - через противостояние. Человеческая гордыня всегда ближе человеческого милосердия. И только великие сотворцы из века в век тянут за собой каждый свою повозку. Ни прося, ни жалуясь, с благодарностью глядя в Небо.

Когда я устаю под вечер, придя домой, мой Ангел хранитель садится рядом и накрывает меня своими крыльями, и мы вместе молчим о Том, который где-то далеко ходит по воде и учит ловить рыбу...

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым; да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречест-

ный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволу, и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата. О Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь.»

НЕСПЕТАЯ ПЕСНЯ

Ночью хорошо пишется... Город спит как большое дитя, завернувшееся в одеяло. Где-то студенты готовятся к сессии, молодые мамы кормят грудных детей, старики пытаются подружиться с бессонницей ароматным чаем с мятой. И коты, как ночные стражи, ходят по квартире, мешая домовым спать. Иногда ночная птица издает странные звуки, а мне бы крепкого сладкого чая с лимоном в чифирной кружке до первого перезвона трамвая.

А ночь, пролетая над окнами, заглядывает в них и приносит цветные сны тем, кто сохранил в себе детство. Она как добрая фея из детских мультфильмов не тревожит, но наблюдает. Когда я был маленьким, я любил ловить на стене пробегающие блики от машин, проезжающих по двору.

Ночью хорошо пишется, словно кто-то открывает купол неба и сыпет оттуда без разбора на кого попадет словесную пыль и музыкальную соль. Соль мира. То, что останется после нас в блокнотах, музыкальных дорожках, что будут читать и слушать наши внуки, удивляясь:

- Дед, я не зал!

Самые талантливые ловят этот божественный дождь круглыми сутками, но ночь дело святое.

Я беру карандаш и белый лист и долго смотрю на них, пытаюсь разгадать божественный замысел, интересно, что покажут сегодня... главное передать точно. Бывает вроде и написано гладко и музыка слух не режет, а не помнишь после, будто и не было ничего.

Один старый еврей, сказал мне когда-то давно, что каждому человеку Бог подарил одну мелодию на всю жизнь. Если прислушаться, то ее, как краеугольный камень, слышно

в каждой песне именитых артистов, которые пишут себе сами. И не важно, меняется ли ритм или мажорная маска, сменяется минорной. Это - почерк, его не подделаешь, если ты настоящий. Я пишу на русском, потому, что я русский. Потому, что я впитал этот язык с молоком матери. Насколько бы я не был талантлив, я не смогу передать на иностранном языке смысл того, что я чувствовал, когда писал. Слово дождь мне понятно, я даже сразу вижу какой он лично для меня и для каждого, кто слышит это слово, а слово RAIN...нет, простите.

И о любви когда пишу – ЛЮБО мне.

ТЕАТР

Я, можно сказать, вырос в театре. Мама привела меня в него первый раз в четыре года, и я, при всей своей непоседливости, замер на эти полтора часа. Не знаю, что происходило тогда в моей детской голове, но этот запах старого театра ни с чем не перепутаю до сих пор. Я рос и театр рос вместе со мной, меняя детские сказки на пьесы тогда советского Розова с несоветским Арбузовым. На классику меня конечно не хватало, но я, сидя в зале, примерял все эти роли на себя. Как бы я произнес монолог, а здесь засмеялся, а здесь смог бы я заплакать, да так искренне, чтобы люди поверили?

Сколько пьед артистов прошло через годы. Дар звал их за собой или любовь к жизни проявлялась в тяге к этой профессии, я не знаю.

Но до сих пор думаю о Блокадниках, играющих в промерзших зданиях без отопления. Когда не было сил дойти, не было что поесть. Про тех, кто ездил в военное время по передовым с концертам для солдат, подвергая собственную жизнь риску... Про тех, кто погиб в лагерях и отстаивал свою правоту в Профкомах, глотая валидол горстями от сердечных приступов. Про тех, кого сгубил алкоголь, и даже великий дар не смог уберечь, они сгорали на излете успехов и славы, пропадали в безызначности, их хоронили с почестями и находили одних в пустых коммунальных квартирах.

Они переворачивали наши головы, они вскрывали нас, доставая до самого сердца, когда под грохот аплодисментов мы чувствовали в горле ком или смеялись как дети.

Однажды в перестроечные времена я пришел в театр на любимый спектакль. Это были «Отверженные» Гюго... играл актер из той благородной породы, которой невозможно

научить. И, сидя близко, я вдруг отчетливо увидел крохотную дырочку на камзоле и, не поверите, мне стало больно.. мне показалось в тот момент, что старый театр умер, а нового нет... на несколько лет я пропал как зритель..., а театр – он выстоял.

Может быть потому, что сцена лечит, и, проживая свои роли, мы проживаем их как собственные жизни, отдавая зрителям всех себя.

Я стою за кулисой и чувствую себя живым. И мне нужен этот запах декораций, вязкий грим и голос ведущего – ваш выход, артист!

ВРЕМЕНИ ВАГОН

Идея создать этот спектакль возникла, как это водится, на одной из кухонь, поздно ночью.

Я нашел тот самый старый фотоальбом, который когда мне дала мама в дорогу. Он действительно переезжал со мной по жизни. Я сидел и рассматривал старые фотографии и вспоминал всех тех, кто когда-то был рядом и остаётся сейчас. Нам с друзьями захотелось подарить зрителю что-то настоящее, как оно бывает. Без прикрас и с ощущением того времени, которое было за спиной, и я надеюсь, что каждый из вас увидел и вспомнил что-то свое в этих песнях.

У нас не было цели читать наставления или проповедовать то, что пережито героями. Опыт каждого человека бесценен только для него. Ведь многие, сидящие здесь в зале могут рассказать кучу своих историй – радостных и печальных, важных именно для них. Мы просто хотели честно поговорить о том, как это бывает, о том, что чувствует живой человек, даже если он на сцене и он артист. О взлетах и падениях, ошибках и трудностях и большой любви и поиске пути к вере.

Я прошел этот долгий путь до сцены и ни о чем не жалею, я очень хочу верить в то, что вам понравилось и Я НЕ УХОЖУ. Пол века не вся жизнь, а значит будем творить и вытворять, ведь у нас вами, с божьей помощью, ВРЕМЕНИ ВАГОН.

P.S.

Снова ты одна,
Снова я один,
Эту жизнь
Не прожить потом.
Разлук следы,
Как стая птиц.
Инеем,
Белых в снежинках ресниц.

Никогда, никогда – мы не будем вдвоем.
Не разделим с тобой на двоих теплый дом.
У Небес не на все есть вопросы ответ.
Что для нас будет Да, то для них будет Нет.

Что с того, что все
Наши встречи миг.
В Рождество
Снега серебро.
Прости меня,
За все прости,
Что судьба
Быть постоянно в пути.

Никогда, никогда – мы не будем вдвоем.
Если хочешь Любовь преврати в снегопад.
Мягким шелком волос и изгибом плеча
На минуту приснись – я тебе буду рад!

Литературно-художественное издание

Петраченко Екатерина Евгеньевна

Рассказы

Издание выполнено в авторской редакции

Подписано в печать 25.01.19. Формат 60x90^{1/16}.
Усл. печ. л. 2,25. Тираж 70 экз.
Заказ № G15.1118.001

Издательство «ОнтоПринт»
105187, Москва, Окружной проезд, д.18, офис 75
Тел.: (495) 665-28-54
сайт: <https://ontoprint.ru>

Отпечатано на полиграфической базе
ИП Мархотина П. Ю.
СПб, Лермонтовский пр., д.27